

# Пища

А. Мекка



18+

СОДЕРЖИТ  
НЕЦЕНЗУРНУЮ  
БРАНЬ

18+

Алексей Мекка

# Пицца

«ЛитРес: Самиздат»

2018

## **Мекка А. В.**

Пища / А. В. Мекка — «ЛитРес: Самиздат», 2018

Они нашли ее в муниципальной больнице. Она подошла идеально. Слишком уставшая. Одинокая. Слишком маленькая. Незаметная. Любопытная. В Дом ее привезли на черном автомобиле и назвали ее семьей. Новой семьей. Лучшей. Настоящей. Семьей, которая прощает. Союзом. Сектой. Все это лишь ширма. Красная маска, за которой скрывается нечто большее, чем неведомый Бог, грубые лица или же неказистая правда. Содержит нецензурную брань.

1

Она смотрела с отвращением. Смотрела с легкой тоской. Смотрела, мысленно стирая с лица земли всех присутствующих в главном зале. Всех, стоящих рядом с ней. Дышащих с ней одним воздухом, переминающихся с ноги на ногу. Стыдливо. Скучающе. Они потягивались, не двигаясь с места, не поднимая рук, не выгибая спины и шеи. Они прятали зевки в белых от напряжения кулаках. Они – ее семья.

Так ей сказали.

Во время церемонии запрещено разговаривать, но никто всерьез не воспринимал этот запрет. Это бестолковое правило. Ведь зрелище предстояло столь яркое, что не обсуждать его – самое страшное преступление.

Они обсуждали.

Почти не шевеля губами и не издавая звуков, обмениваясь лишь короткими перешептываниями, заглушаемыми ударами молотков.

Она смотрела.

Стараясь не отбрасывать и легкой тени каких-либо чувств.

Он смотрел.

На нее.

Улыбаясь.

Она старалась не улыбаться в ответ, хотя уголки ее рта то и дело нервно подергивались, то поднимаясь, то опускаясь. Сердце билось неровно, периодически подсакивая к горлу, либо падая в глубины желудка. Разум постоянно метался, усиленно стараясь подстроиться под стук молотков.

А молотки стучали громко.

Звенели.

Звон гудел в ушах, заставляя морщиться. Пролетая мимо, отражаясь от блеклых стен, кафельного пола, высокого потолка, мощных колонн, тотчас возвращаясь назад.

К тяжелым молоткам, ржавым шпилькам и кривым пальцам. Грубые лица, обливающиеся потом. Кисло-солёные капли, падающие на молодое худощавое тело. Такое нежное. Похожее на женское своей молочной белизной.

Она смотрела, скрывая легкое возбуждение. Усиленно пряча это чувство.

Да, что же это... Перестань... Скоро все кончится...

Тут она была права. Все кончилось действительно быстро.

Звон перестал разбивать оконные мозаики, изображающие достаточно странных персонажей. Людей без лиц и имени. Их называли святыми, хоть ничего святого в них не было. Лишь тьма, скрытая в глубине массивного капюшона. В руках их – тлеющие свечи. Воск, скатывающийся по широким рукавам. Руки – холодные и безжизненные. Похожие на руки мертвецов.

У нее никогда не получалось смотреть на эти мозаики достаточно долго. Минута, две минуты – все в порядке. Чуть дольше – картины начинают двигаться. Оживать. Свечи в руках вспыхивали столь ярко, что были способны затмить даже тусклый огонек ее души.

Пусть, в наличии последней она всегда сомневалась, пренебрегая этим понятием, тогда как все эти люди вокруг нее, все это удивительное общество, которому она посвятила жизнь, верили – сначала дух, а уж после и плоть.

Ведь так куда вкуснее.

2

У папы часто было плохое настроение. Он не верил в человеческое счастье, осмеивая его и презирая, точно какой-то дефект людского духа. Все вокруг казалось ему вторичным. Необоснованным и неспособным существовать без чужеродного вмешательства. Даже подранная собака, живущая неподалеку от его дома. Скулящая по ночам от голода. Сука. Когда она

выползала из своего угла за мусорным баком, чтобы жалобно поглядеть в глаза прохожим, то непременно получала хороший пинок в живот от Папы, проходившего мимо.

Так он поступал со всеми, оказывающимися рядом. Причиняя им увечья при помощи собственных рук, либо же калеча их мысленно. Методично разбирая на кровоточащие куски в собственном сознании. Медленно.

То, что не может жить – не должно жить. Если же оно продолжает жить, то должно страдать. Страдать, как страдали предки наши. Как страдали души наши. Как страдаем мы все.

Иначе, что есть жизнь, если не страдания?

Да, у Папы часто было плохое настроение.

– Ну же, девочка моя, подойди. Папа не злится. Не злится.

Подожди, давай же, маленькая.

Подожди, пока я не оторвал твою вонючую голову!

Не заставляй меня вставать!

Лучше не надо.

Быстро! Немедленно! Подожди!

Папа не смог выжить. Даже будучи хищником, он не смог спасти собственную жизнь.

Она нашла его в переулке неподалеку от дома. Собаки перегрызли ему глотку.

Она была маленькая и беспомощная. Бесплезная.

– Подожди!

Ты должна слушать Папу!

Хорошие девочки всегда слушаются своих Пап.

Она подошла. Опустилась на колени, внимательно разглядывая разодранное в клочья горло. Оно было похоже на салат из сырого мяса. Вся кровь давно вытекла и частично впиталась в землю, просачиваясь сквозь трещины асфальта. Сворачиваясь, она привлекла мух, что роились небольшими стайками. Возбужденно бегали по голосовым связкам, похожим на лопнувшие струны. По бледным глазам. Пораженным. Говорящим лишь о поражении.

Так вот оно как.

Поражение не физическое, но ментальное. Плоть не так важна. Особенно, когда становится бесполезной. Пригодной лишь для мух и прочих падальщиков.

Она провела рукой по коротким липким волосам. Нагруженному, морщинистому лбу человека столь нервного. Нервного. Почти сумасшедшего. Она не знала, что такое сумасшествие или хотя бы помешательство, поэтому быстро отогнала мысли посторонних людей. Мысли, что высказывались крайне охотно. С почти сексуальной настойчивостью. Мысли, что гремели за тонкими стенами соседних квартир.

Изувер.

Рот покойника открылся, извергая на свет сгусток зловония. Она прикрыла глаза и поморщилась, так и не заплакав. Незачем было плакать, ведь это означало скорбь, а она не знала, значение этого слова. Ни скорби, ни жалости, ни сочувствия.

Ничего.

– Подожди ко мне!

Сжав кулачки, она поднялась с холодного асфальта.

Что будет дальше?

Она не знала этого, равно как и значения многих слов, так живо произносимых взрослыми. Знают ли они, что означают эти слова?

Псих.

Знают ли они, что будет дальше?

Дети куда более жестоки родителей, что окружают своих чад теплотой. Дети не понимают заботу и редко ее принимают. Им неведомо, отчего родители так добры. Для чего это нужно. Ведь, если они добры, мы можем быть злыми. Истинного предназначения зла они не знали и верили, что зла не существует.

Ее отец тоже в это верил.

Когда одноклассники сломали ей руку, учительница спустила все на тормозах. В тот день ее зажали в туалете и заставили прикусить полотенце, чтобы крики были не так слышны. Левую руку вставили в проем и резко захлопнули дверь. Она лишь взвизгнула, когда почувствовала сильное давление, за которым последовала острая боль. Дальнейшие чувства были несущественны и неясны. Вторичны. Похожи на шум, который она слушала, получая пинки в живот.

Подобно помойной собаке, что жалобно глядит в глаза. Сначала она тоже протяжно скулила, но перестала, как только поняла, что все это лишено всякого смысла.

Хорошие девочки всегда слушаются...

Она была хорошей девочкой и терпела. Им надоест. Обязательно надоест и они отвязнутся. Обязательно отвязнутся.

Отвяжутся.

Отвяжутся.

Отвяжутся.

– Отвяжитесь!!!

Что-то щелкнуло в их головах, и они отошли. Отступили, окружая Ее невидимым кругом. Бестолково глядя.

Побитая собака.

Она не встала. Продолжала лежать, даже когда они ушли, смотря под ноги стеклянными глазами. Блуждающе. Словно все живое из них выкачали и развеяли по ветру. Ноги сами вынесли их прочь, оставив ее наедине с журчащей водой сломанного сливного бачка.

Завхоз нашел ее только во время вечернего обхода. Школа пустела, расплескивая злобу, накопленную за день. Горло у завхоза свербело, а лишний вес напоминал о себе на крутых ступенях, когда он нес ее на первый этаж.

Скорая помощь прибыла через двадцать минут. Ее осмотрели и увезли в место, которое пахло куда хуже школьного туалета.

На родительском собрании сказали, что это был несчастный случай. Прибывшим полицейским сказали, что это был несчастный случай. Даже руководству приюта, в котором Она жила, послали короткое письмо, сообщая о несчастном случае, произошедшем в стенах школы.

Лишь Она, лежа на большой койке, записанная и наспигованная всевозможными препаратами...

– Ты бесполезная маленькая сучка!!!

... не считала этот случай несчастным. Отнюдь. Произошедшее казалось ей естественным и даже необходимым.

Что такое счастье?

Что такое несчастье?

Все это не так существенно, как говорят взрослые. Не так важно во всей полноте ужасной картины мира. Есть только дух и тело, но и они несущественны. Бесполезны. Есть жизнь и смерть, но они размыты. Нечетки. Похожи на горизонт позади запотевшего стекла.

Так что же несчастного в том, чтобы попытаться разглядеть этот горизонт?

4

Утром в ее палату пришел человек. Он не назвал своего имени, равно как и не выдал собственных манер или притязаний. Не присел, ни закурил. Казалось, он даже не моргал. Все в нем было текуче, изменчиво, но в то же время постоянно, стойко.

Он был хорош в своих убеждениях. Словоохотлив, но немногословен. Яростно и бескомпромиссен, рассказывая о современном мире, но скромно и застенчив, упоминая о человеческом духе. Будто, что-то мешало ему говорить об этом в полную силу, заставляя таиться. Прятаться, укрывая мысли о душе, как о величайшем лакомстве. Изысканном.

– Что Ты думаешь о душе?

Она ничего не думала. Не могла сконцентрировать мысли на том, о чем он говорил. Слишком размытое. Слишком непонятное слово, излучающее собой куда больше, нежели четыре неказистые буквы. Она ничего не знала о душе, а потому смело отвергала любые мысли подобного порядка. Заразные. Они заражны. Отравлены.

– Я не верю в душу.

Он улыбнулся мелкими темными зубами. Ртом, похожим на рыбий. Такой же обманчивый. Озлобленный. Стоит моргнуть, как эти маленькие зубки отгрызут твою голову. Разорвут глотку и будут отрывать кусок за куском. Сплевывая и давясь теплой кровью.

Перед ее глазами застыло лицо отца в компании жадных мух и трупных червей. Неприятное, не вызывающее чувство тоски. Лишь отвращение.

Тоска?

– Ты знаешь, как оказалась здесь?

Что за вопрос? Конечно, она знала. Помнила все предшествующие события. Злые. Озлобленные.

Дети жестоки... Я ребенок... Я тоже жестока.

– Вижу по глазам, что помнишь... А хотела бы забыть?

И что он хочет услышать? Что мне ответить этому странному человеку с улыбкой мертвой рыбы? Правду? Его правда куда смелее моей.

– Я вижу вопрос в твоих глазах. Не волнуйся и не отвечай. Как я уже понял, ты не слишком разговорчива. Думаю, это неплохое качество. Честное. Ведь ты можешь быть собой, не произнося лжи. Я знаю, что за вопрос тебя терзает, и уверен, что он вовсе не связан со мной.

В ее глазах на мгновение вспыхнул огонек, но тут же потух. Словно, на это самое мгновение, ответ на вопрос был найден, но тут же потерян, ведь вовсе не мысль дала этот самый ответ, а лишь ее испуганное чувство. Забитое и замученное. Прячущееся в пыльном углу сознания.

– Ты хочешь знать, что делать дальше? Не так ли?

Она робко кивнула, стараясь разыскать потерянный ответ, но чем больше она старалась, тем дальше ускользало исковерканное чувство. Такое же незаметное, как и она сама.

– Мне кажется, ты уже все поняла. Ты уже знаешь, зачем я пришел. Знаешь, кто направил меня к тебе. Знаешь, что тебе больше не место в прошлой жизни.

Она смотрела непонимающе, не в силах открыть рта, чтобы ответить. Незнакомец смотрел глубоко. Слишком глубоко, чтобы вот так разгуливать в целостности и сохранности.

Невредимым.

Люди с подобными талантами живут не очень долго. Конечно, если таланты не подкреплены чем-то куда более стоящим.

Он хочет, чтобы я ушла с ним.

Ей хотелось разорвать его. Хотелось продолжать слушать этот спокойный голос. Эти слова и фразы, бьющие в самую точку. Слова. Голос, подобный мягкому завихрению, возникшему в звездном небе. Нечто спокойное и одновременно нарушающее спокойствие.

Так хотелось спросить. Так нужно было спросить. Нужно, но совершенно неважно, ведь интуиция шла впереди любых зачатков разума, клокочущего в ее голове.

– Я знаю. Знаю. И ты знаешь.

– Я должна?

– Нет. Не должна. Это всего лишь выбор и ничего более.

5

Она спала в большой комнате на одной из металлических кроватей. Скрипучих.

Матрас был пыльным, а тумбочка достаточно маленькой, чтобы вместить все ее сокровища. Когда выключали свет, она вспоминала уют. Когда всех поднимали и вели завтракать, ей становилось дурно.

В Доме всегда пахло свечами. Жженым воском. Первый этаж был заполнен этим запахом. Она долго не могла привыкнуть. Избавиться от бесконечной непробиваемой стены из пыли и плесени. Запаха туалета. Он преследовал ее повсюду. Под тонким одеялом. Таким старым, что оно казалось невесомым. Рваным и множество раз заштопанным, но все же чистым, навевающим что-то знакомое. Не родное, ведь ничто не было ей родным. Не было столь же понятным, осознанным, сколь были осознаны собственные мысли и воспоминания.

Она их заглушала, усердно кутаясь в худое одеяло. Закрывая голову подушкой. Страх клокотал в ее животе. Никак не успокаиваясь.

Не зная, что думать, что чувствовать, она старалась отстраниться. Убежать от нового окружения. Не плохого. Не такого жестокого, но все же пугающего. Настораживающего и навещающего на неприличные мысли.

Она засыпала и просыпалась вздрагивая. Постоянно стуча зубами. Ей тяжело было закрыть глаза хотя бы на мгновение, поэтому засыпала она только тогда, когда ее организм давал сбой и отключался, утягивая за собой измученный жуткими фантазиями рассудок.

## **Конец ознакомительного фрагмента.**

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.